

Курашкина Наталия Александровна

ЯВЛЕНИЯ ДЕЭТИМОЛОГИЗАЦИИ И РЕМОТИВАЦИИ В ОРНИТОНИМИКЕ

В статье анализируются родовые имена, входящие в состав биноминальных научных названий воробьеобразных птиц латинского, русского, английского и французского языков, с целью иллюстрации двух взаимосвязанных процессов: дезэтимологизации и ремотивации. Раскрываются сущность данных процессов и их результирующее влияние на орнитониимику. Показано, что символизация орнитонимов создает предпосылку для их дальнейшей ремотивации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 100-105. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. **Der Kondor:** Verse von Ernst Blass, Max Brod, Arthur Drey, S. Friedlaender, Herbert Grossberger, Ferdinand Hardekopf, Georg Heym, Kurt Hiller, Arthur Kronfeld, Else Lasker-Schüler, Ludwig Rubiner, Rene Schickele, Franz Werfel, Paul Zech / Hrsg. von Kurt Hiller. Heidelberg: Richard Weissbach, 1912. 144 S.
10. **Hauptmann G.** Das Abenteuer meiner Jugend. Berlin: Fischer, 1937. Bd. 1. 502 S.; Bd. 2. 449 S.
11. **Martin A.** Die kranke Jugend: J.M.R. Lenz und Goethes Werther in der Rezeption des Sturm und Drang bis zum Naturalismus. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002. 635 S.
12. **Moderne Dichter-Charaktere** / Hrsg. von Wilhelm Arent. Mit Einleitungen von Hermann Conradi und Karl Henckell. Berlin: Selbstverl. des Hrsg., Kamlah in Comm., 1885. VII+303+16 S.
13. **Fritsche P.** Die moderne Lyriker-Revolution. Frankfurt a. O.: Waldow, 1885. 52 S.
14. **Sprengel P.** Geschichte der deutschsprachigen Literatur 1870-1900: von der Reichsgründung bis zur Jahrhundertwende. München: Beck, 1998. XIX+825 S.
15. **Wilhelm Arent** [Электронный ресурс]. http://de.wikipedia.org/wiki/Wilhelm_Arent (дата обращения: 21.08.2014).

SIMILAR FEATURES OF W. ARENT'S AND K. HILLER'S POETICAL ANTHOLOGIES

Krasheninnikov Andrei Evgen'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

kroschke@yandex.ru

The article examines the history of publishing poetical anthology compiled by W. Arent and having a significant impact on the formation of naturalism as a trend of German literature, and the first anthology of expressionistic poetry compiled by K. Hiller. The author reveals the similar features in these anthologies typical for the epoch *fin de siècle* and allowing concluding on the continuity in a literary process. The paper also summarizes discussions developed in the society around the publications.

Key words and phrases: fin de siècle; naturalism; expressionism; anthology; manifesto.

УДК 83'37 / 81'373.222

Филологические науки

В статье анализируются родовые имена, входящие в состав биномиальных научных названий воробьеобразных птиц латинского, русского, английского и французского языков, с целью иллюстрации двух взаимосвязанных процессов: деэтимологизации и ремотивации. Раскрываются сущность данных процессов и их результирующее влияние на орнитонимику. Показано, что символизация орнитонимов создает предпосылку для их дальнейшей ремотивации.

Ключевые слова и фразы: орнитоним; деэтимологизация; символизация; утраченная мотивированность; мотив номинации; народная этимология; ремотивация.

Курашкина Наталия Александровна, к. филол. н., доцент

Башкирский государственный университет

kurashkina76@mail.ru

ЯВЛЕНИЯ ДЕЭТИМОЛОГИЗАЦИИ И РЕМОТИВАЦИИ В ОРНИТОНИМИКЕ[©]

«Тенденция к мотивированности – есть проявление в мире знаков всеобщей диалектической закономерности – стремления содержания и формы к взаимосоответствию. Но если бы эта тенденция превратилась в жесткую связь, знаковая система потеряла бы возможность саморазвития. Отсюда вторая тенденция – к произвольности как стремление к свободе развития. Диалектическое противодействие этих двух тенденций во многом определяет развитие и функционирование разных видов знаков» [9, с. 21-22] и приводит к созданию двух классов слов: мотивированных и немотивированных. В историческом развитии абсолютная мотивированность сменяется относительной, полная мотивированность становится частичной, а прямая – косвенной, и в итоге знак оказывается немотивированным. Можно сказать, что развитие мотивированности слова столь же естественно, как и его демотивация [5, с. 37].

Тенденция к мотивированности языкового знака «находит свое выражение в таких лексических процессах, как процесс ремотивации, процесс неомотивации, процесс номинации (если он базируется на исконных средствах языка)», а тенденция к произвольности языкового знака проявляет себя в таких явлениях как «процесс демотивации, процесс лексикализации внутренней формы слова, процесс идиоматизации слова, процесс заимствования» [3, с. 150].

Демотивацию следует отличать от деэтимологизации: демотивация в понимании В. Г. Гака предполагает «соотнесенность с соответствующим процессом утраты мотивированности слова в определенный период, т.е. в синхронии» [Там же, с. 178]; деэтимологизация же возникает из диахронного подхода к поиску этимона, т.е. первоначального значения и формы слова. Если при деэтимологизации происходит утрата первоначальной, генетической мотивированности слова, отражающейся на его словообразовательных связях внутри

этимологического гнезда [1, с. 4], то при демотивации утрачиваются внутренняя форма слова и выражаемый ею мотивирующий признак, принадлежащий «определенному моменту жизни языкового знака» [10, с. 9] (что предполагает повторяемость процесса), «при этом происходит утрата мотивационных (не словообразовательных) отношений демотивированной лексической единицы» [3, с. 178]. Более того, результаты демотивации в мотивологии определяются с опорой на данные психолингвистического эксперимента, а изучение деэтимологизации составляет сферу изысканий научного исследователя без привлечения показаний носителей языка.

Орнитонимика представляет собой пласт таких единиц, которые постоянно испытывают на себе влияние деэтимологизации и ремотивации. Задача настоящего исследования состоит не только в иллюстрации данных процессов, но и осмыслении результатов их воздействия.

С учетом содержания мотивирующих признаков можно определить следующие типы существующих орнитонимов (развитие идей Н. Д. Голева [7] и Дж. Джоблинга [19]): 1) орнитонимы с соматической мотивированностью, или орнитонимы с *компонентом-морфонимом* (от греч. *μορφή*, вид, образ, наружность и *ὄνομα*, имя, название) (морфоним с колористической основой и морфоним, характеризующий форму и величину птицы); 2) орнитонимы с фонетической мотивированностью, или орнитонимы с *компонентом-фононимом* (от греч. *φωνή*, голос, звук), отражающие голос птицы; 3) орнитонимы с экологической мотивированностью, или орнитонимы с *компонентом-бионимом* (от греч. *βίος*, жизнь), характеризующие ландшафтную приуроченность и предпочитаемые места обитания и гнездования; 4) орнитонимы с эколого-этологической мотивированностью, или орнитонимы с *компонентами фагонимом* (от греч. *φαγεῖν*, есть, пожирать) и *эргонимом* (от греч. *ἐργον*, труд, занятие, работа), указывающие на разнообразие питания, образ жизни и поведение птицы; 5) орнитонимы с топонимической мотивированностью, или орнитонимы с *компонентом-топонимом* (от греч. *τόπος*, место, местность), связанные с названиями географических объектов и распространением птиц на ареале обитания; 6) орнитонимы с эпонимической мотивированностью, или орнитонимы с *компонентом-эпонимом* (от греч. *ἐπ-ὄνυμος*, имя дающий, названный по имени кого-либо), связанные с именами собственными реальных лиц или вымышленных персонажей; 7) орнитонимы с утраченной мотивированностью, или орнитонимы-*символы*.

Мотивами номинации для орнитонимов с соматической мотивированностью служат: 1) доминирующая окраска оперения птицы, 2) окраска части тела, 3) форма и характерная деталь части тела, 4) форма всей птицы, 5) ее величина. Мотивами номинации для орнитонимов с фонетической мотивированностью выступают восприятие, оценка и воспроизведение голоса птицы человеком. Мотивы номинации для орнитонимов с экологической мотивированностью: 1) биотоп, 2) вид растительности, избираемый для обитания или гнездования, 3) место обитания или гнездования, отличное от вида растительности, 4) способ постройки гнезда. Для орнитонимов с эколого-этологической мотивированностью определены следующие мотивы номинации: 1) особенности рациона, 2) способ добывания пищи, 3) время прилета птицы в места гнездования или зимовки, 4) особенность полета, 5) время активности, 6) особенность подачи демонстративного пения, 7) особенности телодвижения, 8) поведение, связанное с кормодобыванием, 9) повадки птицы. Для орнитонимов с топонимической мотивированностью отмечены такие мотивы номинации как: 1) континент или страна распространения, 2) распространение относительно полюсов земного шара, 3) приуроченность к столицам государств, крупным регионам или областям, горным системам, рекам и островам, 4) приуроченность к населенным пунктам региональной значимости, мелким рекам или горам, 5) частая встречаемость на обширном ареале обитания. Орнитонимы с эпонимической мотивированностью проявляют мотивы номинации, отражающие связь с 1) именем первооткрывателя вида, натуралиста или коллекционера, 2) именем мифологического или библейского персонажа, 3) именем собственным широкого распространения или ласкательным прозвищем.

Анализ родовых имен, составляющих бинаминальные научные названия птиц отряда воробьеобразных латинского, русского, английского и французского языков, показывает, что процент их символизации (как следствие деэтимологизации) довольно высок. Родовые имена во всех языках исследования чаще всего представляют собой народные названия, вошедшие в научную номенклатуру, потому исходные признаки, положенные в основу их номинаций, оказываются забытыми. Если количество имен с прозрачной мотивированностью составляет в английском языке 60%, латинском – 53%, русском – 48%, французском – 44% (при общем количестве рассмотренных наименований, равном 102), то на долю имен-символов приходится: в латинском языке – 44%, французском – 36%, русском – 24%, английском – 9%; остальной процент имен (англ. – 31%, рус. – 28%, франц. – 20%, лат. – 3%) – это орнитонимы, в которых восстанавливается один, наиболее вероятный мотив номинации.

Процесс деэтимологизации слов приводит к тому, что в науке могут сосуществовать несколько равновероятных и спорных этимологических решений. Отстаивая свою позицию, каждый автор стремится причислить остальные версии к разряду так называемой народной этимологии. В качестве причин деэтимологизации специалисты называют «звуковые изменения, нарушающие родственные связи слов, непродуктивность некоторых старых аффиксов, условный характер названий тех или иных предметов и др.» [15].

В целом об орнитонимах с утраченной мотивированностью можно сказать, что их мотивы номинации поддаются реконструкции, в большей или меньшей степени восстанавливающие признаки, соответствующие биологии и экологии видов. В подавляющем большинстве случаев мотивы номинации для орнитонимов-символов представляют собой набор или комбинацию равновероятных признаков, каждый из которых может претендовать на основу для формирования названия в разные исторические периоды. При этом реконструируемая экологическая мотивированность может соседствовать с эколого-этологической или фонетической мотивированностью вследствие полной или частичной символизации рассматриваемых орнитонимов. В качестве примеров подобных этимологических реконструкций, не противоречащих экологии видов,

можно привести научные названия, родовые имена, в составе которых восстанавливают комбинации из двух и более признакообразующих компонентов:

- передача тревожного крика средствами языка (компонент-фононим) и особенности телодвижения птицы (компонент-эргоним): (франц.) *traquet* < корень *trak-*, воспроизводящий резкий звук [22], или же *traquet* = деталь мельницы (кулачок) [13, с. 1075] – возможно, обыкновенная каменка названа так по аналогии с механизмом из-за постоянного движения хвостом и крыльями;

- вид растительности как место обитания (компонент-бионим), основной корм (компонент-фагоним) и величина птицы (компонент-морфоним): (лат.) *Emberiza* < др.-герм. *Embritz / emmeriz / emberitz*, овсянка < *ammer* [19, р. 145; 20, р. 300] < англосакс. *amore*, небольшая птица; возможно, сближается со ст.-в.-нем. *amar*, вид зерновой культуры; либо < греч. *ἐμ / ἐν*, в + *βαίνω*, шагать, ступать + *ρίζα*, корень, основание, т.е. птица, которая ходит среди корней, или птица, которая живет среди корней, среди густого кустарника (вереска) [20, р. 305];

- способ постройки гнезда (компонент-бионим), способ добывания корма (компонент-фагоним), особенность полета (компонент-эргоним), форма хвоста (компонент-морфоним) и воспроизведение голоса птицы с помощью семантики звукоподражательных корней (компонент-фононим): (лат.) *Hirundo rustica*, где *hirundo* < *hæruno* < *hære*, быть присоединенным, прикрепленным, т.к. птица крепит свои гнезда к балкам или оконным перекрытиям (Gessner) [Ibidem, р. 143], или же *hirundo* и *χελιδών* < др.-греч. *χέρενδων* < санскрит. корень *har, ghar* в значении *ловить* или *хватать*, отсюда латинское название интерпретируется как *ловящая, хватающая* (насекомых) [20, р. 144; 21, р. 186] либо *χελιδών* < *χελι*, восходящее к санскрит. *hari*, воздух, ветер + *δών* < санскрит. *dāna/dān*, тот, кто ударяет, схожее по смыслу с лат. *caedere*, ударять, убивать; отсюда *hirundo* – это птица, *которая ударяет воздух*, а, возможно, *которая убивает в воздухе* [20, р. 145]; по другой версии *hirundo* < *hiare*, зевать, открывать рот; издавать с усилием звук + *undo*, колыхаться → *птица, которая широко открывает клюв, колыхаясь в воздухе*, или *птица, которая открывает клюв, задевая волну* [Ibidem, р. 142]; *hirundo* < греч. *χελιδών, χελιδόνας*, полученное посредством ряда трансформаций (по Скалигеру): *χελιδόνος* → *χιλέδονος* → *chiledinis* → *chilendinis* → *hilendinis* → *hilundinis* → *hirundinis* [23, р. 188]; греч. *χελιδών* < *χέλυς*, лира + *είδος*, форма; таким образом, следует указание на форму хвоста ласточки, напоминающую лиру (Scaliger) [20, р. 143]; некоторые авторы соотносят *hirundo* с корнем *ἐρεiv* в значении *щебетать* [Ibidem], (франц.) *hirondelle* < прованс. *irondele*, ласточка, диминутив < *irunda*, в том же значении < лат. *hirundo* + диминутивный суффикс *-elle* [22]. Ввиду того, что наиболее приметной чертой ласточек (равно как и стрижей) является их стремительный полет, во время которого они находят пищу, воду и материал для постройки гнезда, наиболее вероятной представляется трактовка ласточки в латинском, а вслед за ним и во французском языке как *птицы, ударяющей или рассекающей воздух крыльями* или *убивающей насекомых (подобно богу Марсу) в полете*.

Процессы деэтимологизации тесным образом связаны с ремотивационными явлениями (именуемыми также народной этимологией), в результате которых забытый признак денотата, возможно, ставший основой номинации как «случайно бросившийся в глаза в момент называния» [2, с. 197], заменяется на более понятную современному наблюдателю особенность птицы, вследствие чего появляются подновленные мотивы, связанные с морфологическими характеристиками вида (*синица* < *синий*, *starling* < *star* в значении *звезда*, *rossignol* < *russus* в значении *рыжий*), яркими вокализациями (*галка* < крик *гал-ка*, *oriole* < пение птицы *oriole*, *grive* < передача пения птицы *gri-gri*) или заметными поведенческими моделями (*ворона* < *вор она*, *воробей* < *вора бей*, *ласточка* < *ластиться, ласкаться*). Наибольшее количество ремотивированных родовых имен обнаруживается в русском (24 единицы) и французском языках (13 единиц).

Термин *народная этимология* признается неудачным многими учеными начиная с конца XIX в., но продолжает употребляться, означая не только собственно народную этимологию, но и разногипотезные фонетико-морфологические и семантические изменения в слове. Чаще всего под *народной этимологией* понимают переделку и «переосмысление заимствованного (реже родного) слова по образцу близкого по звучанию слова родного языка и установление между ними семантических связей на основе чисто внешнего, случайного звукового совпадения, без учета реальных фактов их происхождения» [15].

Параллельно с народной этимологией существует термин *ложная этимология*, признаваемый рядом ученых, например, Р. Р. Гельгардтом [6], более удачным для характеристики подобного явления. Н. В. Крушевский, А. И. Томсон, И. А. Бодуэн де Куртенэ использовали термин *народное словопроизводство* [4], который не получил широкого распространения несмотря на адекватность отражения сути народной этимологии.

При этимологизации все фонетические изменения в слове должны приводить к появлению в нем какого-то значения, отсутствовавшего до преобразования. При переделке исходного слова изменяются только непонятные звуко сочетания, что приводит к последующему осмыслению языковой единицы, делает ее более понятной и легкой для восприятия и передачи другим носителям языка. Поэтому народную этимологию можно квалифицировать как такую переделку «фоно-морфологической структуры непонятного слова, которая сближает его с более привычным словом как фонетически, так и по значению, и позволяет осмыслить его» [Там же]. В результате «...непонятное народу по происхождению, а часто чуждое и по звукам, слово ассимилирует к какому-нибудь известному, хоть сколько-нибудь близкому по звукам...» [3, с. 161].

Другой важной особенностью народной этимологии является то, что ее воздействию чаще всего подвергаются заимствованные слова, иногда слова родного языка, занимающие одиночное положение. Низкая частотность употребления и отсутствие мотивированности выступают важнейшими условиями воздействия этимологизации на слово, создающими ее потенциальную возможность. Однако полная реализация такого явления как народная этимология происходит при наличии третьего условия, а именно – присутствия слов, близких по звучанию исходному [8].

Сравнивая народную этимологию с научной, Н. И. и С. М. Толстые видят основное различие между ними в том, что «научная этимология ищет этимологической интерпретации лексики того или иного языка из чистого интереса к языковой истории и теории и стремится к максимальной исторической (хронологической) глубине, тогда как народная этимология ограничивается прояснением внутренней формы “темных” слов и удовлетворяется ближайшими семантическими сопоставлениями» [17, с. 262].

В последнее время получает широкое распространение термин *ремотивация* как «процесс обретения словом мотивированности в случае ее утраты <...> на основе установления им мотивационных связей» [3, с. 150]. Рассматривают *лексическую* и *структурную ремотивацию* в зависимости от возникшего типа мотивированности слова.

Лексическая ремотивация «приводит к обретению словом лексической мотивированности на основе установления им отношения лексической мотивации с единицами, этимологически с ним не связанными» [3, с. 150], т.е. суть данного процесса сводится к установлению отношений лексической мотивации гетерогенных языковых единиц. Обретение лексической мотивированности может характеризовать как исконные слова с утраченной исходной мотивированностью, так и заимствования, лишившиеся мотивированности при переходе в другой язык. Лексическая ремотивация сопровождается преобразованием звуковой оболочки слова под влиянием того слова, с которым установлена мотивационная связь, например, *зинзивер/зинька* → *зиница* (от звукоподражания) → *синица* < *синий*. В других случаях данный тип ремотивации протекает без изменения звуковой оболочки и заканчивается при установлении словом мотивационной связи, как, например, *галка* (< *галь*, черный) < *галдит* или < *гал-ка* (звукоподражание).

Структурная ремотивация представляет собой «процесс обретения словом структурной мотивированности на основе установления им отношений структурной мотивации», при этом «структурная соотносительность лексических единиц обычно осуществляется на базе конца слов и того категориального значения, которое имеет мотивационная модель с определенным концом слова» [Там же, с. 157]. Так, например, по мысли О. И. Блиновой, порождением процесса структурной ремотивации являются вторые компоненты мотивационно связанных пар русского литературного языка: *греча* и *гречиха*, *синь* и *синева*, *тишь* и *тишина*, *жилет* и *жилетка*, *скворечня* и *скворечница* и многие другие [Там же, с. 158].

Ремотивация, как уже было отмечено, тесно связана с процессами демотивации и деэтимологизации слов. «Эти процессы диаметрально противоположны – и в то же время взаимосвязаны, способны сменять друг друга... <...> Таким образом, ремотивация включена в процесс общего развития языка: **НОМИНАЦИЯ** / возникновение мотивированной единицы/ → **ДЕМОТИВАЦИЯ** → **РЕМОТИВАЦИЯ** → **ДЕМОТИВАЦИЯ** → **РЕМОТИВАЦИЯ...**» [12, с. 7-8].

Если говорить о ремотивации в сфере орнитониими, то она довольно часта, т.к. данная группа лексики отвечает основным условиям процесса обретения словом мотивированности, а наличие многочисленных заимствований и звукоподражаний (как неустойчивых единиц) увеличивает количество немотивированных слов среди орнитонимов. Вообще, по законам логики «любой этимон в своих истоках <...> может быть обязан происхождением народной этимологии», в которой связи языка со «средой своего обитания» оказываются теснее [18, с. 56].

Привлечение данных мотивационно-сопоставительного словаря А. С. Савенко [16] дает богатый материал для иллюстрации ремотивационных процессов, так как основными источниками лексикографического описания выступают не только этимологические словари и специальная литература по орнитологии, но и показания языкового сознания носителей русского и английского языков, выявленные путем психолингвистического эксперимента. В качестве информантов выступили студенты, школьники, преподаватели различных учебных заведений и жители Северной Каролины, Массачусетса, Калифорнии, Техаса, города Томска. Возраст всех информантов составил от 17 до 65 лет [Там же, с. 7]. Как отмечает автор словаря, носители языка ориентировались на предлагаемые иллюстрации птиц (не всегда цветные), поэтому в своих показаниях полагались на собственный здравый смысл [Там же, с. 11].

Согласно результатам, орнитонимы-символы чаще всего получают новую мотивационную связь без изменения формы исходного наименования птицы, как, например, *воробей* – это 1) <птица, которая> ворует < у других птиц, за что ее> бьют, т.е. наблюдается корреляция с распространенным народноэтимологическим решением *вора бей*; 2) птица, <голос которой звучит как > *вороб* (звукоподражание); 3) <птица, которая> бьет <других птиц> [Там же, с. 30-31]. Для сравнения: наиболее вероятной версией происхождения орнитонима *воробей* выступает связь имени с цветом оперения птицы (общеславянский корень **(j)erēb-* < и.-е. корень **ērerb(h)-*: **reb(h)-*, к которому восходят слова *рябой*, *рябина*, *воробей*, обозначающие темно-красные и буроватые цветовые тона) [11, с. 222-223]; *ворон/ворона* – это 1) <птица> вороного <цвета>, т.е. оторнитонимное прилагательное применяется в качестве мотива номинации, тогда как *ворон* → *вороной*, но не наоборот; 2) <птица, которая> ворует, где снова просматривается корреляция с известным переосмыслением *вор он / вор она*; 3) <птица, голос которой звучит как > *вор-вор* (звукоподражание) [16, с. 31-33]. По данным научной этимологии, названия птиц семейства *Corvidae*, по-видимому, имеют очень древнее происхождение, восходя к тем временам, когда процветал культ птиц как высших божеств, управляющих основными стихиями, соединяющих Небо и Землю, осуществляющих связь между миром живых и царством мертвых (на связь птиц с океанической и небесной водой, с небесным огнем указывает праиндоевропейский корень **ar(or)*, **var*; от этого корня образуются такие слова как др.-инд. *var*, *vari* вода, *arna*, *arnava* бушующее море; авест. *var* дождь, *vairi* озеро; тохар. *var* вода; хетт. *aruna* большое озеро, море; этот же корень используется в словах: хетт. *uar* гореть, *uarnu* сжигать) [11, с. 94].

Английский орнитоним *lark* (жаворонок) интерпретируется информантами как <птица, которая летает, будто> резвится [16, с. 56] (новая мотивационная связь базируется на оторнитонимном глаголе, формирующей орнитоморфную характеристику человека по действию, переносимому с птицы). Этимологическими словарями признано сложным словом неизвестного происхождения, возможно, *lark, lärk* < др.-герм. *lären*, звучать или петь, т.е. маленький певец [11, с. 32]. Аналогичным образом трактуется название ласточки (*swallow*): <птица, которая> глотает <воду на лету> [16, с. 104]; устанавливается связь с омонимичным глаголом, имеющим значение глотать (*swallow*). Вторая версия информантов близка к приоритетному мотиву номинации английского орнитонима-символа, т.е. <птица, которая летает> низко <над водой> (прагерманский тип **swalwōn* с возможным значением *тот, кто мечется или движется, перемещается назад и вперед*). Еще один пример связан с новой мотивационной связью, устанавливаемой на основе современной орфографии орнитонима *wheatear* (каменка) – это птица, <которая питается или живет> в пшенице [Там же, с. 71] (связь с *wheat* в значении пшеница); изначально *wheatears* или *whitearse*, буквально *белый хвост (зад)*.

Приведенные показания носителей русского и английского языков ярко демонстрируют, во-первых, отрыв современного человека от мира природы и соответственно низкий уровень знаний об обитателях нашего общего дома, а во-вторых, креативные возможности человеческого мышления, способного найти самые неожиданные и оригинальные объяснения происхождению редко употребляемым словам или словам с неясной этимологией. Все представленные примеры дают основание полагать, что наличие созвучных и мотивирующих слов создает предпосылки для активизации ремотивации, распространяющейся не только на редкие и малопонятные, но и привычные в настоящее время орнитонимы. При отсутствии таких слов процесс ремотивации значительно затрудняется.

Что касается орнитонимов, демонстрирующих несколько мотивов номинации при этимологической реконструкции (от двух и более), то их следует признать символическими наименованиями в полном смысле этого слова. Деэтимологизация таких родовых имен не только создает условия для их ремотивации, но и обеспечивает проникновение в антропо-, техно- и фитосферы благодаря образованию *метафорических полей* (термин Е. В. Рахилиной и Т. И. Резниковой) [14], где они успешно развивают новые семантические связи, выходя далеко за пределы орнитонименклатуры.

Список литературы

1. Аркадьева Т. Г. Формально-структурные и семантические характеристики и системные отношения деэтимологизированных слов русского языка. Л., 1990. 371 с.
2. Балалыкина Э. А. Внутренняя форма слова и наименования животных в русском языке // Ученые записки Казанского университета. 2013. Т. 155. Кн. 5. С. 196-205.
3. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: URSS КРАСАНД, 2010. 304 с.
4. Введенская Л. А., Колесников Н. П. Приемы осмысления внутренней формы слова (виды ненаучной этимологии) [Электронный ресурс] // Respectus Philologicus. 2003. № 3 (8). URL: <http://filologija.vukhf.lt/3-8/vved.htm> (дата обращения: 9.11.2011).
5. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
6. Гельгардт Р. Р. О лексической ассимиляции в связи с ложной («народной») этимологией // Русский язык в школе. 1956. № 3. С. 37-38.
7. Голев Н. Д. О принципах номинации и методе их исследования [Электронный ресурс] // Материалы науч. конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. Вып. 5: Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. С. 94-99. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z66.html> (дата обращения: 9.11.2011).
8. Голев Н. Д. Функции мотивизации и народная этимология [Электронный ресурс] // Вопросы языка и его истории. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. С. 38-47. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z59.html> (дата обращения: 9.11.2011).
9. Журавлев А. П. Типы значения слова и их мотивированность // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград: КГУ, 1976. С. 20-25.
10. Кунгушева И. А. Явление демотивации слов в русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 2003. 19 с.
11. Курашкина Н. А. Сравнительный словарь орнитонимов: латинские, русские, английские и французские названия птиц отряда воробьинообразных: словарь. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 290 с.
12. Курьшева М. В. Явление ремотивации в говорах: автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 1989. 17 с.
13. Новый французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. 13-е изд-е, стереотип. М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. XVI+1160 с.
14. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3-31.
15. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс]. 3-е изд-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php (дата обращения: 5.09.2011).
16. Савенко А. С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы / под ред. О. И. Блиновой. М.: ЛЕНАНД, 2012. 200 с.
17. Толстой Н. И., Толстая С. М. Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание: X Междунар. съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.): доклады сов. делегации. М., 1988. С. 250-264.
18. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд-е 3-е, испр. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
19. Jobling James A. The Helm Dictionary of Scientific Bird Names [Электронный ресурс]. London: Christopher Helm, 2010. 432 p. URL: <http://nature.baikal.ru/files/605/1408125013.pdf> (дата обращения: 15.04.2013).
20. L'Abbé Vincelot. Les Noms des Oiseaux expliqués par leurs mœurs ou Essais Étymologiques sur L'Ornithologie [Электронный ресурс]. 3-me édition. Angers: Imp. P. Lachèse, Belleuvre et Dolbeau, 1867. 544 p. URL: <http://archive.org/details/lesnomsdesoiseau00vinc> (дата обращения: 19.07.2013).

21. **Thompson D'Arcy W.** A Glossary of Greek Birds [Электронный ресурс]. Oxford: Clarendon Press, 1895. 206 p. URL: <http://www.archive.org/details/glossaryofgreekb00thomrich> (дата обращения: 17.04.2013).
22. **Trésor** (Le Trésor de la Langue Française informatisé) [Электронный ресурс] // Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. Etymologie URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/> (дата обращения: 26.09.2014).
23. **Valpy F. E. J.** An Etymological Dictionary of the Latin Language [Электронный ресурс]. London: Printed by A. J. Valpy, 1828. 550 p. URL: <http://books.google.fr/books?id=m2QSAAAIAAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 17.04.2011).

PHENOMENA OF DE-ETYMOLOGIZATION AND RE-MOTIVATION IN ORNITHONYMY

Kurashkina Nataliya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University
kurashkina76@mail.ru

The article analyzes the patronymics included in the structure of binominal scientific names of perching birds of Latin, Russian, English and French languages with a view to exemplify two inter-related processes: de-etymologization and re-motivation. The author reveals the essence of these processes and their resulting influence on ornithonymy. The paper shows that symbolization of ornithonyms creates a background for their further re-motivation.

Key words and phrases: ornithonym; de-etymologization; symbolization; lost motivation; motive for nomination; folk etymology; re-motivation.

УДК 81'373.45+81'42

Филологические науки

В статье функционирование интернационализмов английского происхождения в бытовом дискурсе рассматривается на примере молодежного жаргона. Отмечается, что пополнение молодежного жаргона новой лексикой с высоким содержанием интернационализмов обусловлено прагматическими задачами носителей жаргона. Установлено, что сам факт употребления интернационализмов в жаргоне способствует прагматической реализации этих лексических единиц.

Ключевые слова и фразы: заимствованная лексика; интернациональная лексика; бытовой дискурс; молодежный жаргон; прагматическая адаптация.

Лобковская Людмила Петровна, к. филол. н.

Краснодарский государственный университет культуры и искусств
lusminda@mail.ru

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В БЫТОВОМ ДИСКУРСЕ[©]

Будучи результатом длительного исторического взаимодействия языков, их смешения, заимствования занимают значительное место в лексике многих языков. Усиление взаимодействия языков при возрастающей роли культурных и экономических связей между народами приводит к образованию особого фонда интернациональных слов, имеющих как в родственных, так и в не родственных языках.

По определению Т. Р. Левицкой и А. М. Фитерман «интернациональными словами являются слова, которые в более или менее одинаковой звуковой форме, грамматическом оформлении и смысловом содержании встречаются в ряде языков» [5, с. 99-100]. Существует также точка зрения, что степень интернациональности лексических единиц тем выше, чем больше языков имеется в виду и чем более они типологически удалены друг от друга. Достаточным признаётся бытование не менее чем в трёх, желательно не близкородственных языках. Так, по мнению В. В. Акуленко интернационализмы – это «лексемы, сходные до степени идентификации в графическом или в фонематическом отношении с полностью или частично общей семантикой, выражающие понятия международного значения и сосуществующие в нескольких (практически не менее чем в трёх) синхронически сопоставляемых языках (в том числе неродственных или неблизкородственных)» [1, с. 61-62].

Под интернационализмами нами понимаются лексические единицы, функционирующие в нескольких (не менее чем в трех) мировых языках, близкие по звуковой, графической и семантической форме, являющиеся следствием языкового контакта и выражающие общие для многих культур понятия из областей науки, техники, бизнеса, политики, искусства, средств коммуникации [6, с. 58].

Необходимо отметить, что некоторые интернациональные слова, попав в систему определенного языка, начинают развиваться по совершенно иному пути и приобретают ряд значений, не совпадающих с аналогичным словом другого языка. Различия в культурах могут сказаться на том, что значения заимствованных слов будут похожи, но иметь при этом разную стилистическую окраску или область применения [8, с. 152].

Безусловно, не все сферы в равной степени восприимчивы к интернациональной лексике. Известно, что использование языковых средств в определенной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей ограничено существующими в ней особенностями общения.